

Второй день первого лунного месяца, небо затянуло густым снегом.

Чэнь Таотао в своей реальной жизни была родом с севера, где пушистые хлопья снега — привычное дело, но даже прожив там более двадцати лет, она не могла насытиться этим зрелищем. Она хотела смотреть на падающий снег сама и желала, чтобы её персонажи тоже любовались им.

Поэтому в Шэнцзине часто шли снегопады. Вот и сейчас, ясным утром, когда небо усыпало землю снегом, она вместе с Миньюэ стояла перед Павильоном Сосны и Журавля, ожидая аудиенции у Третьего принца.

— Его Высочество ещё не встал, будьте добры, подождите здесь, — бросив это, служанка оставила их с Миньюэ на улице, а сама развернулась и вошла в павильон.

Какая дерзкая девчонка! Чэнь Таотао подумала, что неудивительно, раз она из дворца — даже в чужом доме ведёт себя как хозяйка, а в словах ни капли почтения.

Впрочем, после вчерашнего инцидента её репутация была уничтожена, так что нет ничего странного в том, что служанки принца смотрят на неё свысока.

— Барышня, эти люди ведут себя слишком нагло! Как они могли оставить нас ждать на холоде?
— Миньюэ зябко поёжилась и поправила на ней накидку. — Ох, как же холодно.

— Тогда давай сходим в Павильон Циу, там тепло, к тому же оттуда открывается прекрасный вид на заснеженное озеро и цветущую сливу.

— Отличная идея! Идёмте, барышня.

Миньюэ с радостью согласилась.

— Стоять! Кто позволил вам уходить?

Не успели они сделать и шага, как та самая служанка вышла из павильона и прикрикнула на них.

— Я подумала, раз Его Высочество ещё не встал, мы зайдём позже.

— Ты думаешь, это твой дом? Куда хочешь — туда идешь, когда хочешь — приходишь?

— Но это ведь действительно мой дом... — растерянно пробормотала Чэнь Таотао.

— Ты! Если Его Высочество проснется и пожелает тебя видеть, нам что, бегать и искать тебя по всему городу? Сказано же, ждите здесь, пока Его Высочество не изволит вызвать!

Чэнь Таотао и Миньюэ беспомощно переглянулись. Что и говорить, столичные нравы — сплошная спесь. Пришлось им стоять во дворе, не смея даже пошевелиться, из опасения, что та девица снова выйдет и начнет их отчитывать.

Скорее бы всё это закончилось. Когда же наступит день, чтобы не зависеть от чужой прихоти и жить так, как хочется самому?

Чэнь Таотао крепко сжала руку Миньюэ. Их ладони озябли, и они принялись растирать их друг другу, надеясь хоть немного согреться.

Спустя час служанка наконец вышла и передала, что Его Высочество проснулся и велит им ждать в гостиной.

Оказывается, в Павильоне Сосны и Журавля есть гостиная. Чья же это была идея — заставлять их столько времени стоять во дворе? Раз принц тогда ещё спал, значит, это прихоть его прислуги. Похоже, немало людей здесь точат на неё зуб.

Чэнь Таотао всегда была человеком покладистым и старалась никого не обижать, особенно окружение Бай Цзинцуня. Если сейчас к ней такое предвзятое отношение, значит, причина в словах Ся Цинъюня, сказанных вчера? Интересно, а сам Бай Цзинцунь разочаровался в ней окончательно?

Ну и пусть. Так даже лучше — короткая боль легче долгой. К чему лишние страдания?

Чэнь Таотао с понимающей улыбкой ступила на роскошный ковер в гостиной. Внутри было тепло, как весной, и ей нестерпимо захотелось чихнуть, но стоило вспомнить о свирепой служанке за спиной, как желание тут же пропало.

— Рабыня приветствует Его Высочество!

Служанка стояла к ней спиной, но один лишь звук её голоса вернул Чэнь Таотао в реальность.

Бай Цзинцунь смотрел на покрасневшие от холода руки Чэнь Таотао, и на его лице промелькнуло недовольство. Однако, вспомнив, что из-за неё проворочался всю ночь и лишь под утро забылся сном, он не показал своего внезапного сочувствия. Он лишь сохранил ледяное выражение лица и выпрямился.

— Ваша покорная слуга приветствует Ваше Высочество. Вчера я была излишне дерзка, прошу прощения.

Услышав обращение Ваша покорная слуга, Бай Цзинцун нахмурился. А когда она попросила о прощении, он холодно спросил:

— И о чем же ты просишь меня простить? О твоей решимости, с которой ты вернула мне заколку, или о том, что ты плохо скрыла свой расчет?

Ничего хорошего это не сулило. Трёхпринц явно всё ещё был взбешен вчерашним. Чэнь Таотао пришлось набраться смелости:

— Ваше Высочество, я сама понесу ответственность за свои поступки. Раз я обманула Вас, прошу, накажите меня.

— Ты признаешь это?

— Признаю. Ся Цинъюнь сказал правду: я — женщина, живущая интригами и ищущая выгоды. Я лишь злоупотребила Вашим добрым отношением. Теперь, когда всё раскрылось, у меня нет лица, чтобы смотреть на Вас. Прошу, заберите назад свои дары, я обманула Вас, накажите меня!

Чэнь Таотао рассуждала так: она не совершала преступления против императора, голову ей не отрубят. А раз уж она сама разрушила его иллюзии, пусть хотя бы это принесет ему облегчение.

Бай Цзинцун никак не ожидал, что сегодня она будет столь откровенна. Он думал, что она станет плакать, искать оправдания, уверять, что вчерашний обморок и возврат заколки с цветами были лишь попыткой привлечь его внимание, и признаваться в любви.

— Ха, какая же я всё-таки наивная дура. Я-то думал, в тебе есть хоть капля искренности. Оказывается, всё было фальшью, и теперь ты даже не хочешь притворяться ради меня, верно?

Бай Цзинцун отвернулся, не желая больше на неё смотреть.

Чэнь Таотао тоже не хотела видеть его таким. Её главный герой, сияющий, словно утреннее солнце, не должен страдать из-за отношений, замешанных на лжи и выгоде. Она хотела лишь поскорее порвать с ним, но не думала, что её решимость так ранит его.

Он ещё совсем юн, не женат и ещё не встретил Чэнь Хаохао. Естественно, он считал, что Чэнь Таотао, его подруга детства, — та самая, с кем он проведет всю жизнь. Жаль только, что она не может продолжать этот путь: прежняя Чэнь Таотао умерла, а нынешняя не хочет губить себя ради него.

— Ладно. Ты так просишь наказания? Что ж, после праздника Цинмин отправишься в горный монастырь к моей матери. Будешь молиться перед ликом Будды и замаливать свои грехи. Без

моего дозволения в Шэнцзин не возвращаться! Я больше не желаю видеть твое лживое лицо.

И отлично! Жизнь в уединении даст больше свободы действий. Сбежать будет куда проще. Это вовсе не беда.

Однако внешне Чэнь Таотао не выказала радости.

— Благодарю, Ваше Высочество. Позвольте откланяться, берегите себя.

Бай Цзинцун не ответил. Чэнь Таотао вместе с Минъюэ попятилась к выходу и поспешно покинула Павильон Сосны и Журавля.

— Барышня, неужели между вами и Его Высочеством действительно нет пути назад?

— Ты же слышала: он сказал, что больше не хочет меня видеть, и отправляет в монастырь. Я ранила его слишком глубоко, пути назад нет.

— Но барышня, он не может запретить вам возвращаться в Шэнцзин навсегда.

— Так это же к лучшему. Не забывай о нашем плане — это отличная возможность.

— Барышня, вы и правда хотите сбежать из Тяньшэна?

— Ты думаешь, я шушу? Раз мы решили идти этим путем, нужно всё подготовить заранее. Третий принц велит нам уехать на Цинмин, нам нужно просто спокойно готовиться во дворе Нинси. Мы поедем вместе с императрицей, никто не заподозрит истинной цели нашей поездки. А потом нам останется лишь попросить бабушку позволить взять с собой всех обитателей двора Нинси — и можно будет спать спокойно.

— Барышня, прошу прощения за прямоту, но обитатели двора Нинси, хоть и не предадут нас сейчас, многие из них — люди главы дома и госпожи. Оставим их при себе — они могут ограничить наши действия.

— Не спеши, об этом поговорим позже.

Чэнь Таотао не стала медлить и, увлекая за собой Минъюэ, поспешила обратно во двор Нинси. Ведь там её уже кто-то ждал.